

МАКСИМ
ГОРОДНИЧЕВ

ПОМУТНЕНІЕ

Максим Городничев

Помутнение

«Selfpub.ru»

2015

Городничев М. А.

Помутнение / М. А. Городничев — «Selfpub.ru», 2015

Оказавшись под действием наркотика, герой неожиданно попадает в водоворот мистических событий, способных привести его к гибели. И помешать этому может лишь ведьма из катакомб. Но возможно ли отыскать ее в мире средневекового террора? Мире старой Европы, освещенной пылающими кострами инквизиции...

© Городничев М. А., 2015

© Selfpub.ru, 2015

Предисловие

В Европе XII века становится обычным для церкви делом расправляться с идеологическими противниками насильственными средствами. Казни совершаются над наиболее опасными оппозиционерами и еще не носят всеобщего характера. Однако бессилие клира справиться с растущим антицерковным и антифеодальным движением породило идею физического истребления еретиков.

В 1216 г. Папа Гонорий III учредил нищенствующий орден проповедников во главе с испанским монахом Домиником де Гусманом, отличавшимся слепой преданностью папскому престолу. Члены ордена посвятили себя выявлению и разоблачению еретиков, и защите канонической церкви от их критики.

Аскетизм и железная дисциплина быстро превратили доминиканцев в ударную силу католической веры. Они могли жить среди отступников, притворяться единомышленниками, если это было в интересах духовенства. Подобные меры способствовали спасению церкви от развала, угрожающего ей из-за политики многих королевских дворов, стремившихся освободиться от давления клира, и ересей, развивающих идею плебейской революции.

Постепенно орден перестраивался в карающую машину, в итоге получив название «инквизиционный» (расследующий).

В середине XIV века католическая Европа была покрыта сетью инквизиционных трибуналов. Еретики жили словно на вулкане, который в любое время мог начать извержение и поглотить их. Ибо в глазах людей инквизиция, созданная для искоренения крамолы не средствами убеждения, а средствами

уничтожения, была всемогущей и вездесущей.

«Задача инквизиции, – писал французский инквизитор XIV века Бернар Ги, – истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики, еретики не могут быть уничтожены, если не будут уничтожены вместе с ними их укрыватели, сочувствующие и защитники».

Инквизиторов облекли неограниченной властью. Согласно каноническому праву, всякому препятствующему деятельности сотрудников трибунала и подстрекающему к этому других, грозило отлучение от церкви, с последующим сожжением.

В Евангелии от Иоанна Христос говорит сомневающимся: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; и такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают». Этот пассаж был в особенности дорог инквизиторам, ибо оправдывал использование костров.

Во времена, когда инквизиция расплзалась по Европе, поиск еретиков не представлял большого труда – те открыто выступали против официальной догмы. Однако после массовых казней и кровавых расправ над последователями еретических учений на севере Франции, в Италии и священных землях Римской империи еретики вынуждены были скрывать подлинные убеждения и даже соблюдать католические обряды. Это усложнило работу инквизиторов в обнаружении врагов клира под личиной правоверных католиков. Но с течением времени сотрудники трибуналов приобрели сыскные навыки и опыт по выявлению отступников, изучили способы укрывания последними своей деятельности от бдительного ока церковных преследователей.

Инквизицию, помимо еретиков, волновала проблема ведовства и магии. Ведьмы и колдуны, – утверждали воины Христа, – принадлежат к «синагоге» сатаны. Средневековая охота на ведьм вошла в историю, в немалой степени благодаря тому, что в 1486 году два великих инквизитора, Яков Шпренгер и Генрих Инститорис, написали знаменитое руководство по борьбе с колдовством – «Молот ведьм».

Это основной и самый зловещий из всех трудов по демонологии, вплоть до XVIII века объединявший древние легенды о черной магии с церковной догмой о ереси и открывавший двери потоку инквизиторских проповедей так широко, насколько это мог сделать печатный труд.

В столь мрачные времена разворачивается действие рассказа. Однако важно заметить, что перед читателем открывается не средневековье как таковое. Это альтернативная история XV века или, еще более точно, сон-бред о средневековье героя-наркомана, проживающего в параллельной реальности другую жизнь, сотканную из оживших цитат религиозных книг, которые он читал, постеров из эротических журналов, кадров из кинофильмов. Лексика, поведение, сознание главного персонажа изобличают современного человека, попавшего в иную социально-культурную среду. Причем наркотическое опьянение понимается не только в буквальном смысле, но возводится в тексте на уровень метафоры бытия: «на игле – на игре». И сами границы между прошлым, настоящим и будущим, между реальностью и сном условны. Именно поэтому в произведении используется множество реминисценций из шедевров мировой литературы, анахронизмов, стриптиз-баров, LSD-пилюль и шприцев. Это нуар, погруженный в средневековую атмосферу, где каждая строчка, каждое имя хранит тайные смыслы и подтексты, это постмодернистский наркотический транс, необычный симбиоз исторического и готического романа, триллера, философского трактата.

Часть 1: Праздник жизни

Пролог

На столе лежала недописанная книга, но диацетилморфин не обратил на нее внимания. Он по запаху нашел вену – кровь расцвела в шприце, как суданская роза, игла затолкнула наркотик под кожу. Инъекция мгновенно покрыла место укола зеленоватой плесенью, тонкими прожилками расплзшейся вдоль предплечья. В таком состоянии я жил в различных степенях прозрачности. Мое тело, по мере того как загорались наркотические каналы, начинало отрывисто и возбужденно пульсировать – чудовище дотянулось до нейронов по засоренным холестеринем проводам.

Монстр был фантомом, швырнувшим мою нагую душу в глубокий зев химии. Существо нельзя назвать демоном, к религии оно не имело отношения. Скорее, тварь обитала в паре лишних капель диэтиламид-лизергиновой кислоты. Паразит оказался разумным и обожал насилие. Две пляшущие красные точки, словно искорки над костром, впивающиеся в сетчатку глаз и проникающие внутрь.

Существо напоминало создателя сети ловца снов. Оно словно инкарнация паука-ткача, опутавшего паутиной маршруты моих мыслей. Паук сначала был слаб, но быстро подпитывался сопротивлением воли. Тем не менее, мне удалось прорыть длинную штольню, уходящую глубоко в черноту подсознания. Я создал там потайную комнату, в которой запер остаток личности.

Сознание, словно отчаянный беглец, лавируя среди синапсов, закрылось в комнате, а паук вычислил его и пытался повернуть ключ, чтобы, открыв дверь, схватить жертву и препарировать ее.

Поначалу у монстра не получалось, но потом ключ понемногу подался. Меня охватила паника, пришлось удвоить усилия, чтобы удержать его в прежнем положении. Еще горела красная лампочка, но ключ упорно поворачивался по часовой стрелке, движимый гипнотическим усилием. На мгновение красный огонек погас, а зеленый загорелся. В голове возникло гудение, затем снова вспыхнул красный свет. Ощущение чужеродности отступило, защита выдержала, и паук ушел пустой. Но позже он пришел снова, голодный и лютый, не

оставляющий от эктоплазмы камня на камне, проводя лоботомию, стирая личность, съедая те принципы, что десятилетиями копились в моем эго... А потом я увидел книгу и начал мучительный путь по строчкам.

Писатель может рассказать лишь о том, что непосредственно воздействует на его чувства, когда он пишет. В данном случае, главный раздражитель – книга. Я всего лишь копировальная установка, наркотик делает основную работу. Поскольку моим пальцам, подобно кардиологическим щупам, удастся напрямую регистрировать особо разрушительные всплески нейромедиаторного процесса, то не исключено, что я преследую единственную цель – творить, чтобы не впасть в лабиринт ступора, в котором разуму суждено потерпеть крушение и затеряться навсегда.

К чему бумагомарание, переносящее людей из одной реальности в другую? Я решил не сдаваться и не проводить следующие два-три часа в приемной у смерти. И вот повествование покидает страницы, рассыпаясь на множество воспоминаний, оживших цитат из готических книг и параноидальных измышлений бывшего монаха...

***

Сложная сеть подземных переходов заброшенной шахты в окрестностях Парижа походила на бесконечный лабиринт. Стены его подавляли волю своей громадой, а поросшие мхом и плесенью своды на века пропитались смрадом разложений, гнили и сырости. Темнота штольни, открывая беззубую пасть, вбирала в себя и звуки, и запахи, и, казалось, никакой свет не сможет пробить вязкую мглу подземелья.

Столь мрачный застенок, чуждый всему живому и ютивший в чреве лишь аспидов и прочую хладнокровную мерзость, поглотил новую душу. Душа эта изнемогала от вечной травли безжалостных преследователей и с благодарностью приняла суровую обитель. Беглянка спала на камнях, но хрупкое тело уже не чувствовало боли, а разум, разочарованный и вместе с тем обладающий страшным знанием целой династии ведьм, преисполнялся желчью. Ночь за ночью она проводила в своем храме, выплевывая мистические формулы, плетя пальцами замысловатые невидимые паутины, с каждым движением оттачивая мастерство. И даже змеи, чувствуя неладное, ядовито шипели и уползали, лавируя среди камней, в непроглядную даль.

Паутина отчаяния, окутавшая это место и сгустившая вокруг себя мрак, не могла остаться незамеченной. По городу разнеслись слухи, будто там, куда давно не забредала гильдия проповедников, происходит чертовщина. Суеверный ужас объял сердца и умы крестьян. Матери вскакивали по ночам с постели, боясь за своих детей, им чудились грозные звуки набата, преследовал запах скверны, и все окончательно перемешалось в голове от поведней священников.

***

Меня зовут Альгаир, и я единственный в городе профессиональный охотник на всякого рода нечисть, не состоящий официально ни в одном из инквизиторских культов. Хотя за моей спиной и сосредоточена вся мощь племени христовых проповедников.

Обитатель катакомб, по рассказам суеверных монахов и местных жителей, являлся порождением дьявольских сил. Если это – правда, необходимо вырезать очередную опухоль на гигантском теле Парижа.

Дождавшись ночи, когда луна полностью раскрывает мертвенно бледное око, и темные силы выходят на поверхность, я отправился к шахтам, надеясь встретить хозяина «паутины».

В тот вечер в моем сердце зарождалась дрожь, непонятный холод проникал в тело, несмотря на летнее пекло. Душа наполнялась предчувствием чего-то неминуемого, рокового. В пути руки судорожно ощупывали заплечный мешок, проверяя, все ли на месте, не упустил ли чего важного? Две сухие палочки, мои постоянные спутницы, идеально притерты друг к другу. Готов был хворост, готов мох, высохший, ломкий, жаждущий с благодарностью принять любую, самую малую искру. Черный плащ трепыхался на ветру, легкий, как тополиный пух, позволяющий укрыться в ночи от наблюдателей. Сапоги из телячьей кожи делали поступь бесшумной.

За спиной молчали исполинские сосны, в тяжелой броне до самой земли. Нижние их ветви подрагивали, как черные руки; гнилой зеленый мох свисал со стволов неопрятными лохмотьями. Молчал туман, стекающий по склону в долину, молчали горы. Та, что поближе – зеленая, дальняя – серая, словно небо. Я передвигался бесшумно, стремительно приближаясь к цели.

Порыв ветра ударил в лицо. Когда напор стих, я на бегу увидел выплывающие из темноты копи. От приземистого спуска в лабиринт, наполовину скрытого туманом, тянуло запахом серы. Я был на месте. Несколько раз с шумом вдохнул воздух, очищая разум, огляделся вокруг и взялся за работу.

Ритуальный огонь рождается только так – трением дерева о дерево. Сизый дым поднимется до неба, обволакивая саму жизнь, вбирая в себя и мою душу, и тогда даже демон не сможет разглядеть меня в его густых клубках. Потом огонь прогорит, и надо будет до утра сторожить остывающие угли, чтобы зло не явилось...

Впрочем, оно может прийти и теперь. Теперь, когда я за работой и беззащитен, оно уже почуяло угрозу, исходящую от моих рук, и, возможно, нервно принюхивается, вода носом из стороны в сторону, ловя ветерки, дуновения, запахи. А может, нечто уже спешит сюда...

Вдруг тяжелую мысль прервал отчетливый звук. Где-то вдалеке, на постоялом дворе, завyla собака. Долгий, жалобный и тягучий вой, словно в агонии ужаса. Ее поддержала другая собака, потом еще одна и еще. От этой ночной какофонии у меня перехватило дух, кровь отошла от лица, но тут же вновь в него ударила.

Я оглянулся – и удвоил усилия. Наконец-то, сладостный запах дыма. Быстро произнесенная ритуальная фраза, шепотка серы и пепла – вот оно, священное пламя! Я поднялся и подбросил хвороста. Огонь затрещал, разгораясь, выгоняя наружу синие узловатые клубы. Рано утром я зашью в мешочек черный уголек, символизирующий сожженное тело грешницы, повешу на шею, и, получив защиту, спущусь в штольню.

По телу прокатилась дрожь. Показалось, что искры, высыпаящиеся в темно-серое небо, летят не так.

Здесь? Есть кто-то? Или померещилось?..

Я до боли в глазах оглядывал темнеющую гору, и дальние склоны, и ближние стволы; искры сыпались теперь как надо. Значит, померещилось.

Я уселся снова и сцепил пальцы на рукояти мясницкого ножа. Мох горел, рождая гибкие оранжевые языки, вылизывающие небо. Казалось, мир вокруг чернеет, не в силах соперничать в красках со священным огнем. В глазах моих плясали желтые круги, и не существовало ничего, кроме обволакивающего, дающего силу света. Я опустил веки, и огненно-желтое сияние сменилось ярко-красным.

Где-то ухал филин, возились под корнями мыши. Я смотрел на красный круг, горящий на внутренней поверхности века, и видел, как среди пламени гуляют ажурные тени.

Забывшись, я протянул к костру руки, все в трещинках и царапинах, и всмотрелся в силуэт входа в подземный чертог. Шахта, скрывавшая запутанные подземные лабиринты и брошенные забои, вздымавшая из недр трубу дымохода, казалась злобным ненасытным зверем.

Вдруг вдалеке, из-за холмов, по обе стороны от меня, раздался вой, громкий и пронзительный, на этот раз уже вой волков. В носу защекотало, точно перед бурей. Внутренний голос зазвучал в голове набатом Собора Парижской Богоматери, заставляя шептать заученные наизусть строки из Апокалипсиса:

«И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел дьявол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени».

Вой смолк. Затем поднялся снова, уже ближе. Металлический отблеск скользнул по лезвию ножа. Я смотрел в огонь, и мне казалось, что горы и лес смотрят в пламя тоже. Что и горы, и лес вздрагивают, удивляясь моей смелости – давным-давно никто не зажигал здесь ритуального огня, одна искра которого может дотла испепелить нечисть...

Ветер переменял направление.

Я по-прежнему сидел неподвижно, но теперь глаза ни на секунду не прекращали обшаривать темноту за гранью огненного круга. Мне становилось все больше не по себе – вой неизменно приближался, звучал почти за спиной. Затем мир разом стих. Луна выплыла из темных туч, нависая над поросшей соснами горой, высветив вокруг костра... кольцо волков. Они были страшны в охватившем их молчании. Это длилось всего миг. Разорванные луной тучи сомкнулись, оставляя лишь свет пламени. Чуть заметное напряжение пробежало по подсвеченному лезвию ножа, ледяные дуновения закружились вокруг костра, шевеля язычки пламени.

– Уходи, ведьма! – проговорил я, медленно поднимая голову.

Женщина стояла на краю мерцающего круга. Ее глаза – собственно, я видел лишь дрожащие в них микроскопические отражения огня – необычайно медленно поползли по моей фигуре и остановились на лице. Губы ее раздвинулись, обнажая ровные зубы, пепельно-белые волосы развеялись на ветру. Она стояла, безмолвно улыбаясь, словно смущаясь моего смятения. Ее образ, пусть и облаченный в лохмотья, показался чем-то родным, из давно потерянного и утопленного в крови прошлого... Я был заморожен мистическим откровением. Здесь могла появиться старуха, извергающая проклятья, пылающий пурпурным огнем демон... но только не божественное создание.

Она усмехнулась и шагнула во мглу. Костер уже не горел. Из темноты я услышал ее имя – Марена.

Глава 1

Шел 1500-й год – не самая удачная полоса моей жизни. Много лет назад я допустил роковую ошибку, последствия которой преследуют меня по сей день. Совершенный мной поступок оказался смертным грехом по всем канонам церкви. Но чутье подсказывало, что я прав, а значит, сделал бы это и в следующий раз. Я сблизился с ведьмой и окончательно разочаровался в церковной догме. Более того, потерял власть над собственным рассудком. Возможно, я старел, но воля отказывалась, как прежде, держать в напряжении клетки мозга. Волна проклятий со стороны бывших покровителей едва не обернулась для меня казнью. Они считали, что я предал их, подставил перед папой, плюнул в лицо, вонзил нож в спину.

Но наместник Бога на земле помнил о моих заслугах перед тиарой и сохранил жизнь, объявив психически несостоятельным. Я советую вам честно взглянуть на сложившуюся

ситуацию, – говорил он, – мир, где вы будете жить, отличается от мира, где вы жили вчера. Вам остается лишь принять правила, на которые повлиять вы не в состоянии. «...Правила, на которые все яростно и обильно молятся». Что ж, теперь мой дух мертв. Но физически я существую. Мир, по которому я теперь иду, – зверинец. Поднимается заря над диким миром – джунглями, по которым рыщут голодные призраки с острыми зубами. Я дичь, худая и голодная. И я иду сквозь ночь, чтобы быть незаметным. Отныне воздух пропитан грязной бесплодностью, туманом и пеплом прошлого.

***

Отвратительное время суток! Той ночью было жарко, как в аду. Я находился в маленькой уютной, снятой за гроши комнате, в самой паршивой части поганого города. Подлый город привел меня сюда, он знал, что делает. Он пачкает все, чего коснется. Марает одним дуновением. Ты всегда был в его власти, твой скелет – его каркас.

Чтобы скрасить тоску, я засучил рукав. Со знанием дела я наблюдал, как игла прокалывает вену и скользит внутри тела, погружаясь все глубже, затем яд брызгает в кровь и устремляется к мозгу. Эффект похож на фейерверк красок, прекрасный и страшный одновременно. Всегда тянет сделать укол еще раз. Подобная тяга – потребность без чувства и тела, сродни падению бескрылого призрака, беспечно счастливого в первое мгновение, но кашляющего и харкающего кровью в предрассветных ломках.

Укол позволял забыть, что меня подозревают в поклонении темному культу, обвиняют в связях с ведьмой, но сейчас это не важно. Передо мной плавал мираж – женщина. Тиферет. Она вынырнула из моря людской плоти и неожиданно оказалась рядом. Страх первых мгновений встречи уже растворился в уголках ее губ. Я видел в блестящих зрачках свое отражение, и это действовало словно опиум. На ней не было нижнего белья, только узкое платье из черного бархата, совсем новое, неприкасаемое. Она будто бы смотрела из черной дыры своей жизни в черную бездну моих глаз. В объятиях ночи она была точно в шелках, ликование рвалось из нее, как бесконечные клубы угольной пыли.

Вглядевшись в ее мягкую, просвечивающую плоть, я вижу пульсацию всех нервных окончаний. Я вижу сознание в мозге, вижу вечный двигатель, вращающийся без остановки: на вертеле крутится слово «Хочу», шипя, безостановочно пульсируя в половой впадине. Я слышу, как из влагалища вырывается ее призыв на неизвестных языках, отдающийся в мельчайших расселинах далеких скал. Я слышу, как она называет мое имя, которое я еще не произнес.

Мы будто склеились в жарких тлетворных испарениях ночи, поднимавшихся к нам и душивших нас. Наша кожа пропиталась испарениями мирской страсти до цвета черной сигареты. Мы маячили во мраке, как две головы на плахах палачей...

После сношения я блаженно лежу на ложе из железобетона, глухой ко всему миру. Подо мной шелковая перина. Мои яйца болят от непрерывных трудов – нимфа высосала меня без остатка. В итоге я кончил огромной страшной струей, начинающейся где-то в затылке. Я смотрю на черную воронку, что застыла на потолке грошового чулана, находящегося в абсолютной черноте на краю мира. В тот момент я понял, что сон точно черное солнце без выражения.

Спустя несколько часов, когда проснулся, луна застыла большим диском на небе, а голова раскалывалась от боли. Повернувшись, я посмотрел в белое как ткань лицо нимфы. Ни морщинки, ни пятнышка. Маска гладкая, как смерть, холодная, приятная на ощупь. Так соблазнительно спокойна...

Я вздрогнул, неожиданно поняв, что девушка мертва. Не было необходимости проверять пульс, по красивой груди видно – дыхания нет. Ее убили в то время, когда я валялся

рядом, под наркотой, в полной отключке. Все звуки разом смолкли, и я сидел, озираясь так, будто оставил член где-то на полу.

На улице раздался топот – инквизиторы уже под окнами. Лучше бы им приехать до того, как убийца наломал дров, кто-то снова меня подставил.

– Подставил, – пробормотал я, пробуя, как слово лежит на языке. Натягивая брюки, подумал, что никогда не забуду Тифферет. Мимолетная ночь, ничего не значащая, отчего-то запала в сердце, будто зарубка на старой древесине. Теперь игры кончились, я найду выродка, и он будет лежать бездыханный передо мной, точно так же, как и она.

Инквизиторы барабанили ногами по лестнице, поднимаясь выше, кто-то схватился за ручку, дверь оказалась заперта. Я неторопливо вылез на карниз и начал спуск с четвертого этажа. Спускаясь, я вспоминал, какая у нее поступь. Это не походка, скольжение! Высокая, знающая себе цену, она прорезает свечение красных фонарей, словно мать вавилонских блудниц. Ты пришла ко мне, точно Венера, но ты опасна, ты сулишь боль.

В небе мерцали звезды, я продолжал спускаться в густую тьму. Лунный свет ложился на крыши и верхушки стен, но чернильные тени от сводов накрывали улицу. Одиноким островком среди моря тьмы блестел вход в салун.

Когда брусчатка уже чувствовалась по запаху, спрыгнул, услышал стук сапог по каменной плите. Перебежал залитый лунным светом клочок двора, торопливо нырнул в спасительную тень, замер, вслушиваясь. Тяжелые шаги гремели далеко наверху, слышались крики, непонятные тени носились с факелами. Ублюдки снова открыли на меня охоту.

Глава 2

Я пошарил под умывальником и извлек оттуда конверт в оберточной бумаге, которая тотчас расплзлась в руках и рассыпалась желтой пылью. На стол, уставленный приготовленными к очередной дозе препаратами, я выложил иглу, пипетку и ложку. Затем торопливо вскрыл конверт – паутинообразное сочетание завязок и оберток. И вновь на дне шприца расцвела красная орхидея, порочный аромат дурмана витками невидимых спиралей разнесся по комнате. Я сжал пузырек, наблюдая за тем, как врывается в разбухшую вену раствор, всасываемый немой жадной кровью...

Глаза быстро привыкли к темноте, я заметил силуэт убегающего человека. За спиной блеснул металл – арбалетчик не оставил дорогое оружие. Наводчик или убийца, я понял сразу, оказался у внутренней стены, окружавшей двор, полез по ней вверх, словно паук, скользкий по нити.

Я крался медленнее: арбалетчик взбирался по веревке, мне же пришлось карабкаться по голой поверхности, цепляясь за крохотные трещинки, выступы между камнями. Когда беглец на миг заслонил звезды над гребнем стены, я добрался лишь до середины, а когда сам перевалил через край, снизу из темноты послышались стук копыт и приглушенное ржание. Из тени выметнулась лошадь с укутанным в плащ всадником и, пронесаясь по улице, исчезла в сумраке, такая же неуловимая, словно вчерашний день.

Апокалипсис, мой верный спутник, молчавший на протяжении многих лет, снова заговорил:

*«Стал я на песке морском и увидел выходящего из моря
зверя с семью головами и десятью рогами, и на рогах его десять
диадем. И дал ему дракон силу, престол свой и великую власть.
И поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю. И дана была ему власть действовать сорок два*

месяца. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана власть над всяким народом».

Дорожная пыль вздымалась тончайшим облачком. Я на бегу читал когда-то заученные наизусть строки библейских писаний, изредка посматривая то на алеющий рассвет, то на манящую искру арбалета. Стук подков в ночном безмолвии доносился ясно, еще даже птицы не проснулись, молчали, а мои ботинки из телячьей кожи поднимали пыль бесшумно. Наконец цокот почти затих, в тусклом свете фонарей я смутно различал темнеющие на брусчатке свежие царапины. Далекий край земли розовел, но если арбалетчик свернет с главной улицы, по следу его не найти.

Дыхание между тем пошло из груди сиплое, жаркое. Горло пересохло, и я понял, что начал уставать, как выброшенная на берег огромная рыба. Следы с главной улицы ушли внезапно. Я едва не проскочил мимо, но вовремя свернуть в переулок, сразу заметил свежие отпечатки копыт на влажном камне. Снова во мраке послышался цокот, теперь конь шагал мерно, не спеша, словно хозяин ждал кого-то. В небе уже пламенели облака. Луна почти зашла, брусчатка из черной превратилась в серую.

На спине незнакомца ерзал громоздкий механизм с длинным отполированным прикладом, и я ждал, когда стрелок, ведя коня, повернется лицом. Нож серебристой рыбкой выскользнул из моей ладони. Арбалетчик вскинул руки, словно пытался взлететь, упал навзничь, выронив поводья. Конь нервно зафыркал, почувяв кровь, забил копытами по брусчатке, из-под шор блестели крупные черные глаза.

Я подошел к стрелку, увидел искаженную гримасу, расплывавшуюся в темном мареве. Заходящая луна светила как фонарь из промасленной бумаги, можно различить самый крохотный камешек, любую малую травинку, но не его лицо. Оно будто слилось с последним клочком мрака, предчувствуя близкую гибель, лишь глаз, подобно бриллианту, сверкал.

Дыхание из моей груди доносилось сиплое, разгоряченное от бега, словно раздувались прохудившиеся кузнечные мехи. Воздух был настолько сухой, что царапал горло.

– Зачем ты убил Тиферет? Кто заказчик?

Я вдруг понял, какую ошибку совершил. Арбалетчик умирал, корчась от боли, его единственный уцелевший глаз блуждал в пустоте.

Уже не ожидая ответа, я отвернулся, чтобы раствориться в лабиринте улиц, но голос, полусвист, искаженный болью, заставил замереть на месте:

– Баллок.

Я похолодел.

– Кто еще?

– Я не могу... большая игра... большие ставки... и ты на кону... в эпицентре...

Он неслышно и стремительно покидал тело, кровь хлынула изо рта, и дальше разобрать ничего не удалось. Я стоял над мертвецом, вслушиваясь в громкий стук собственного сердца. Я стоял над трупом, с вспотевшим лбом и вспотевшими яйцами.

***

Баллок считался влиятельным человеком в городе, и вопрос: «чем я ему насолил?» напрашивался сам собой. Если и он – мой враг, а умирающий не соврал, его надо убить. Инсценировать несчастный случай: меня не заподозрят, и доказать невозможно. Бред!.. Тучи уже сгустились над головой, есть ли смысл играть втихую? Завтра же чертов жнец человеческих душ умрет.

Но обдумать эту мысль оказалось выше моих сил. Ломка началась как всегда неожиданно, и унять ее могла только пара пилюль. Я знал, где достать запрещенные законом сти-

муляторы сознания, что примиряют с реальностью и дают передышку для психики, но выворачивают душу на изнанку.

Я отправился к Маре. Она работала в судебной системе трибунала, но эти крысоловы даже не подозревали, кто она на самом деле. Именно ее имя, вселявшее суеверный ужас в сердца и умы людей, проникало даже за железные ставни, заставляя тревожно ворочаться во сне местных епископов и кардиналов. Она была ведьмой.

Пришлось идти через большую часть города, закутавшись в кожаный плащ. Перебравшись через Сену, углубился в лабиринты Сите. Теперь я понял, какая жестокость кроется в этих улицах, это она смотрит со стен и приводит в ужас. Это она написана на человеческих физиономиях улиц, от которых я стараюсь укрыться. Куда бы я ни пошел, чего бы ни коснулся, везде – туберкулез и сифилис. Это написано и на земле, и в небе. Это въелось в наши души.

Я плотнее укутался в плащ и ускорил шаг. Здания с человеческим оскалом проплывали перед глазами, их похожесть создавала иллюзию, что я барахтаюсь на одном месте в какой-то густой желчи, работая руками и ногами, с каждым гребком все больше выдыхаясь. Изредка налетали порывы ветра, и ставни гремели, подражая многочисленным парижским звонницам...

«И увидел я другого зверя, выходящего из земли. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу сему. И он сделает так, что не будет жизни никому, кроме того, кто имеет имя зверя, или число имени его. Число же это шестьсот шестьдесят шесть».

Когда я добрался до места, совсем рассвело. По старой привычке забрался в дом через окно, на секунду задержав взгляд на мутном стекле. Оттуда на меня глянуло собственное лицо, из-за неровности зеркальной поверхности разломанное на плывущие плоскости, но мне показалось, что я вижу его в бесцветных лучах боли. Так мы смотрели друг на друга – я и я, наблюдая перемены, произошедшие в каждом из нас. Мысль, что это поблескивающее, словно облитое водой лицо, принадлежит не мне, показалась правдивой.

Ставни немного погремели, но никто из соседей не выглянул. Она ждала меня на кухне, роскошная блондинка с шикарными формами, непристойными для служителей культа. Ее глаза будто плавали в сперме.

– Не волнуйся, дорогая, папочка решил воскресить воспоминания. Знаешь, эти дни как потерянные псы...

Ей хватило одного взгляда, чтобы оценить мое жуткое состояние. Приоткрыв створку шкафчика, висевшего на стене, она не глядя достала небольшой пузырек и кинула его мне.

– Вот, гладиатор, возьми, тебе необходима доза «пенициллина». – Слегка дрожащими руками она зажгла сигарету, заставив задрожать и огонек спички. Это было одной из таких вещей, которые можно заметить, только если ищешь и ждешь их. Я всегда ловил каждое ее движение.

– Спасибо, милая, ты лучше всех определяешь, чего именно в данный момент требует мое больное сердце... без таблеток я уже не могу.

Мара затянулась сигаретой. Ее скулы чуть порозовели, и я не мог не отметить, что это чрезвычайно идет к ее бледному лицу.

Я уселся за кухонный стол и заговорил, будто видел Марену в последний раз несколько минут назад, и начал с того, чем закончил предыдущий разговор. Наше общение походило на затяжную игру в шахматы, настолько затяжную, что при кажущейся непрерывности партии, та могла длиться годами, увенчанная редкими выпадами.

– В последнее время мне трудно отделить реальность от бреда. Наверно, я и вправду схожу с ума. Постоянный звон в голове... Помню, когда я был маленьким, в холле отчего дома стояли огромные часы черного дерева. Их тяжелый маятник с монотонным приглушенным звуком качался из стороны в сторону. Но когда часы начинали бить, из их медных легких вырывался отчетливый звук, до того необычный, словно отсчитывающий последние секунды мира, что люди, находившиеся там, цепенели, подобно насекомым в янтаре. Сейчас я явственно ощущаю бой часов и пустоту...

Она тревожно и как-то по-матерински нежно посмотрела на меня, легко проводя рукой по моим волосам. Марена. Я помог ей проникнуть в город, даже устроил в судебные системы трибунала. И теперь она осуществляет за мной надзор, как за психически неуравновешенным.

– Давненько я тебя не видела, уезжал из Парижа?

Таблетки подействовали почти сразу, приводя с собой приятное ощущение отсутствия плоти, исчезающей при первом неслышном прикосновении желатиновых капсул. Тут же забываются каскады бессонных ночей, распухшие от наркотиков вены, вечная мозаика из утыканных сигаретами пепельниц и неожиданная потребность в еде, когда вдруг понимаешь, что чертовски голоден.

– Ты же знаешь, что я не имею права покидать пределы гребаного города. Есть другая проблема – на «хвосте» сидят доминиканцы.

– Ты же никого не убил, не так ли? В ином случае закончим мы плохо...

– Все начинают лучше, чем заканчивают, – я прокомментировал ее слова автоматически. Она сказала – мы? Неужели ведьма настолько привязана ко мне? – Я невольно улыбнулся.

– Ты не ответил на вопрос: да или нет?

– Насколько мне известно, нет, но никто об этом не знает.

– И как я должна буду представить случившееся в трибунале? Из-за тебя Наверху происходят такие столкновения, о которых ты даже не подозреваешь. Каждый раз, беседуя с кардиналом, я начинаю разговор с тебя. И он отвечает, что при любом удобном случае к папе заходят влиятельные персоны и шепчут на ухо: именно Альтаир является виновником всех смертных грехов в городе. Однажды ты предал их, теперь они хотят уничтожить память о тебе, – мягкий, волнующий, подобный вечернему бризу, голос спустился почти до шепота. Она смотрела на меня и объясняла простую истину, словно таблицу умножения отставшему школьнику.

Я взял ее сигареты, лежащие на столе, и закурил. Сигарета... так приятно вдыхать обволакивающий легкие дым, заставляющий примириться с тем, что уже существует, и нет ничего кроме догорающего уголька в темноте... Эти люди хотят уничтожить тебя... да, как печально это звучит...

Сигарета сгорела быстро, как бикфордов шнур, оставив во рту легкий привкус селитры.

– Жернова политической машины, словно челюсти акулы, с острыми зубами в несколько рядов, устроены так, что однажды, ухватив жертву, уже не отпускают ее никогда. Но ты – особенный случай, ты сумел выжить, хотя это ненадолго. Еще одно неосторожное обвинение, и несмотря на всевозможные эдикты о неприкосновенности, на твои плечи обрушится шквал страстей, при котором невозможно уцелеть... Они загонят зверя, открыв охоту, которая потрясет жестокостью весь город, каждую улицу и каждый дом.

– Как бы ни сложилось, ублюдки заплатят по счету! Это им надо гореть на костре, а не мне.

– Успокойся и прими еще таблеток. Из любой ситуации можно найти выход, сейчас главное залечь на дно.

– Да не могу я успокоиться, зная, что нахожусь в кругу арены. За все надо платить, даже за муки. Любым из возможных способов. – Тело забила мелкая дрожь. Я чувствовал, что таблетки отпускают, едва начав действовать, силы на исходе, и я перестаю контролировать эмоции. Состояние протрации и оцепенения быстро сменялось яростью, но потом все снова утихало.

– Решетка обернется для тебя адом.

– Что может быть хуже проклятой жизни, она и так похожа на ад.

Она улыбнулась, слегка приоткрыв губы, и мое сердце в очередной раз будто остановилось, мгновенно приводя в чувство.

– Послушай, старику нужно отлежаться где-то денек. У приятеля есть мельница за городом, но до туда далековато...

– Только до вечера, тебе здесь опасно оставаться, – прошептала она над самым ухом, позволяя уловить запах своего прекрасного тела, – периодически меня навещает кардинал, которому о твоём присутствии знать крайне нежелательно.

Я улыбнулся, ангел улыбнулся в ответ.

– У меня есть для тебя подарок. Эта вещь переходила в моей семье от поколения к поколению, возьми ее, – она сняла с шеи небольшой резной крестик черного дерева и, повесив мне на шею, нацарапала на нем булавкой: «от всех бед». – Он поможет ДОЙТИ ДО КОНЦА...

«И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю. И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. И он собрал их на место, называемое Армагеддон».

Я сделал, как и обещал. Когда стемнело, отправился в место, где должны кое-что знать. Единственное, что меня волновало – инквизиторы наступают на пятки и дышат в затылок. Состояние значительно улучшилось, благодаря Маре, но произошедшее гулким эхом еще вибрировало в голове, будто брошенная в пустой колодец монета.

Чтобы заглушить боль, заскочил в самую занюханную дыру в городе. Кабак идеально подходил для желающих утолить жажду, пропустив пару стаканчиков спиртного. Я часто бывал в этой дыре. Многие считали, что среди местных отбросов мне самое место. Пыль перед дверью исполосована мочой.

При моем появлении кто-то из дальнего угла бара кинулся прочь к черному выходу, споткнулся, упал, но не встал, а затаился в темноте.

Я выбрал столик, у которого танцевала стриптиз женщина в парике безвкусно-соломенного цвета. Дочь порока, боясь, что ее узнают, тем не менее, старалась продаться как можно большему количеству посетителей. Она извивалась передо мной пышными формами, не подозревая, что ни в какое сравнение не идет с женщинами, имевшими на меня виды. Я заказал сотню виски – Джонни Уокер Блю Лейбл. Обожаю этот неповторимый вкус, он просто великолепен.

В ожидании порции жидкого огня я изучал обстановку, но все было, как и раньше. Официантки сновали вокруг с проворностью бабочек-однодневок, неся на подносах по три, а то и по четыре заказа. За раздвижной ширмой едва уловимым шепотом переругивались проститутки – они были близко, однако почти ничего из их брани нельзя было разобрать, и приглушенные звуки нескольких голосов, накладываясь друг на друга, сливались в тихий успокаивающий шелест, будто над головой шумели едва касаемые ветром листья.

В отдалении на улице заржала лошадь, долетел надрывный крик возницы. Один из наркотов за барной стойкой воткнул наконец иглу в вену. Он безуспешно пытался сделать это с момента моего прихода. Убрав шприц в картонный футляр, он сунул его в карман. Судя по маслянистому блеску, который сразу же приобрели его глаза, в шприце был морфей – бог сновидений. Несколько минут он покачивался взад-вперед, а потом бухнулся головой на стол.

Лолита Амелия, почти ребенок, но уже накрашенная, как бульварная девка, принесла заказ, улыбнулась белыми зубами акулы, осведомилась о какой-то ерунде, но я не ответил. Виски стоял передо мной, глубокомысленный, как слеза младенца. Я взял стакан, собираясь сделать изрядный глоток, но не успел коснуться губами кубиков льда, плавающих на поверхности, как чья-то рука с хлопком опустилась на плечо:

– Здравствуй, Альтаир, наконец-то ты здесь, – голос, похожий на стон гомосека прозвучал над моим правым ухом. – Надеюсь, обойдемся без церемоний прощания?

«Чудесный человек! Кто-то любезно доложил ему, что меня можно найти именно здесь, он не ошибся» – эта мысль посмотрела на меня сквозь мутную жидкость в стакане, истолковывая все в черном свете, и я сидел, не поворачиваясь, готовый к убийству. В баре наступила гробовая тишина.

– Не ожидал нас здесь увидеть? – упиваясь вниманием, произнес второй из стоящих за моей спиной.

– И кто же оказал вам подобную услугу, кто в очередной раз предал меня? – я спросил автоматически, пропуская мимо ушей любезности, ведь они правы, какого хрена я полез в крысиное логово, зная, что меня могут поджидать здесь?

– Тот, кто хочет жить, в отличие от тебя.

***

Выходя из бара, я слышу звук текущей мочи. Весь мир – в текучем состоянии. И снова эти улицы. Город похож на бойню. Трупы повсюду. Волки пробрались в город и пожирают их, меж тем как чума и другие болезни вползают следом составить им компанию...

Один из инквизиторов приказал повернуться, и я увидел его лицо. Он растянул в подобии усмешки бескровные губы; зубы блеснули желтые, хищные, острые, словно у зверя, глаза пустые и равнодушные, как у насекомого. Улыбка оставалась на его лице слишком долго, мерзкая и голая, вобравшая в себя все запретное зло, на которое способен человеческий ум. Лицо второго скрывал капюшон, и я решил, что обязательно загляну под него. В руках у каждого по арбалету.

«Настало время вернуться к допотопной хирургии – человеческое тело вопиюще несовершенно». Я спросил:

– Когда-нибудь замечали, что ставни магазинов хлопают, как гильотины? И вообще, почему вы одни, ребята, где же ваши «псы с факелами в зубах», где ваши *Domini Canes*? Вы совершили большую ошибку.

Пока я говорил, неся полный бред, рука незаметно скользнула под плащ, расчехлила огромный нож для разделки туш и всадила между ног тому, у которого хватило глупости заговорить со мной. Другая рука метнулась к арбалету второго инквизитора, и когда тот

успел нажать на спусковой крючок, арбалет был уже слегка отведен, и стрела прошла сквозь плащ, не задев плеча. А уже через мгновение я был фонтаном крови из его рта, носа и мягкой плоти... Он влетел затылком в стену, на которую кто-то недавно отлил, и медленно сполз по ней. Второй инквизитор валялся в луже собственной крови и судорожно скребся ногтями по камню. В уголках его губ запеклась агония, с подбородка свисали нити вязкой слюны.

Я снял капюшон с головы монаха и посмотрел в его лицо. Оно мне ни о чем не сказала, как и лица других инквизиторов, в которые доводилось заглядывать. Староват, лоб и щеки покрыты сетью морщин, седая борода пропиталась кровью из носа. Я мысленно задал себе вопрос: «сколько красоток этот ангел с грязной душой успел обуглить?». Ухватив святого палача за горло, спросил:

– Как тебя зовут?

Он просипел, заикаясь от страха:

– Габриэл.

– Красивое имя, кажется, имя ангела из писания... Так вот, Габриэл, если не скажешь, кто отправил вас по моему следу, я сделаю с тобой то же, что и с твоим братом по вере, посмотри на него.

Я повернул голову инквизитора в сторону скребущегося по брусчатке монаха. Он тут же закивал, я отпустил горло бедолаги. Прежде, чем он потерял сознание, в воздухе влажно хлюпнуло лишь одно слово:

– Баллок.

– Спасибо, приятель. – Я не хотел работать грязно, потому что на меня открылась серьезная охота, но доминиканцы не забудут при случае отомстить за своих, нельзя оставлять свидетелей. «Облей их керосином и подожги. Спичка чиркает о коробок – белая вспышка, сдавленный писк насекомого». Нет, лучше поработать мясницким ножом...

Я принес в бордель бесцветный аромат смерти и теперь ехал в одолженной у инквизиторов упряжке, направляясь в сторону Сите, а сзади в багажном отделении трепыхался фарш из горе-воителей. Но я уже думал о другом. Дорожки сходились. Священнослужитель Баллок был епископом на острове, воскресными ночами проводившим исповедь в Соборе Парижской Богоматери, взять его в другом месте не представлялось возможным.

Был субботний вечер. Одежда после расправы начала выделять тусклый, но отчетливый смрад – смесь запахов пота, крови и плесневелой бумаги. Я не мог отделаться от мерзкого ощущения, что попахиваю бойней, как чахоточный бык. Это сильно путало мысли, а значит, оставшийся до аудиенции день нужно было скоротать в тишине.

***

Я пролез внутрь заброшенной колокольни, возвышавшейся недалеко от собора, и вскарабкался на самый верх. Разместившись у небольшого оконца, прямо под куполом набата, сплошь покрытого паутиной, вслушивался в тишину. Вот уха достигло едва слышное в дали ржание лошадей, а вот чуть различимый шелест – паук плетет паутину отчаяния. Устремив широко раскрытые глаза в теплое марево темноты, я вглядывался в призрачно маячивший в лунном свете и стрекотании насекомых сказочный замок. Его суровый фасад, охраняемый каменными горгульями, широкий свод и леденящая нагота оставались неизменны веками.

В какой-либо праздник как по сигналу с восходом солнца дрогнут множество колоколов. Протяжные надтреснутые голоса аскетичных монастырей подхватываются зловещим и угрюмым голосом Бастилии, ему вторят тяжелые равномерные удары набата Собора Парижской Богоматери...

«И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое

землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его. И гор не стало; и град пал с неба на людей; и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была тяжкая».

Ведьма умирала у меня на глазах. Руки ее связали за спиной, а шею охватывал туго затянутый кожаный ремень. Даже сквозь густой смрад, валивший от костра, я чувал силу охватившего крестьян безумия. Мара, прелестная добрая девушка, обугливалась на костре.

– Прости их, – надрывалась она. – Господи!

В глазах помутилось, я неистово дернулся, волоча за собой тюремщиков, ошейник стянул шею, я услышал сдавленный хрип – звук собственного горла. В воздухе стоял тошнотворный запах убийства.

Порыв ветра закружил солому под ногами, охапка тростинок метнулась к костру, но сгорела еще на полете. Я почувствовал, как изнутри, знаменуя начало безумия, рвется удушью, истошный, пронзительный вопль.

– Ннннн...

Очнувшись от холода, в голове стоял гулкий колокольный звон. В момент пробуждения колокола прыгали по кончикам моих нервов, и их языки били в мое сердце со злобным железным гулом. Этот колокольный звон был страшен, но еще страшнее было сгорающее тело, эта женщина, превратившаяся в ночь, и ее вопль о прощении, проевший мою плоть. Эта фраза точно дизентерия...

Когда я открыл глаза, увидел лишь серую пелену. Шевельнуться удалось с трудом, и я застонал от беспомощности, с удивлением прислушиваясь к своему слабому сиплому голосу.

Чьи-то пальцы коснулись лица, и серый занавес исчез. Я успел разглядеть удаляющуюся влажную тряпку. Сверху нависло изможденное лицо, похожее на череп, обтянутый старой кожей. Человек был мертвенно бледен, острые скулы выпячивались так резко, что кожа вот-вот прорвется. Я ощутил озноб вдоль позвоночника, череп прошептал бесплотным голосом:

– Меня зовут Гебура, я живу здесь.

Бродяга приложил к губам бутылку со спиртом. Бульканье, издаваемое пьющим, было единственным звуком в наступившей вдруг мертвой тишине. Гебура, с прищуренными глазами наблюдавший за снижением уровня жидкости, наконец кашлянул и продолжил:

– Это место для потерянных душ, зачем ты здесь? – у старика на носу висела капля пота, и я уставился на нее.

Вопрос заставил улыбнуться:

– Колокольня идеально подходит для того, у кого душа не на месте. Все как ты сказал.

Он как бы пережевал крупицу удивления, затем провел языком по пересохшим губам, слизывая соль у их кромки.

– В этом мире полно дерьма; надо иметь крылья, чтобы не утонуть в нем... Хотя и в дерьме можно найти просветление.

– Я уже окончательно запутался, где дерьмо, а где просветление. – Я глотнул из протянутой мне бутылки и закашлялся. – В конце концов, все может быть не тем, чем кажется.

Он кивнул. Я не мог оторвать глаз от болтающейся у него на носу капли, но та упорно держалась.

– Здесь люди, как огромные ракообразные, вылупляются, проламывая скорлупу, и заседают Город, где весь их потенциал разбросан на прилавках огромного рыбьего рынка.

Я быстро ощутил действие спирта, смешанного с препаратами. Спирт. В его коде была великая тайна – я почувствовал, что встретился лицом к лицу со Смертью на уикенде, череп в моей бороде качался взад-вперед на соломенном тюфяке. Все вокруг потемнело, изредка вспыхивали маленькие искорки звезд. Потом меня начало тошнить, и я почувствовал себя змеей, блюющей из Вселенной. Старик рассмеялся как-то по-крабьи, я попытался рассмотреть его сквозь тьму ночи, и вдруг понял, что глаза гигантского ракообразного смотрят на меня, словно две пуговицы, застывшие в холодном жиру. Эти пуговицы заключили меня в конькобежный круг ада, скользкий и холодный.

Он долго смеялся, затем ушел, щелкая клешнями, но тут же на лестнице закашлялся – старчески, пронзительно, и это покашливание – стесненное, будто он старался не привлекать внимания, и жестокое, словно его душили, удалялось, пока я не остался один в нагретой тишине, перед горой хлама и старой паутины.

Луна заливала мир бледным нездоровым светом, лишь под сводами домов оставалось угольно темно. На крыше колокольни щебетали металлическими переливами птицы, снизу доносились громкие мужские голоса, пьяные вопли. Вокруг поднимались кудрявые ухоженные деревья, теснились к башне – таких мест мало в Париже.

Я перевел взгляд на изящные лапки, что умело и методично сплетали из прочной паутины замысловатый узор ловца снов. Ветер шевелил волосы на моей груди, и я, наконец, обнаружил, что ужасно устал... Бледный ветер шипел, обжигая мне шею гнилым дыханием. На лестнице раздались тихие шаги, и на площадке колокольни одна за другой безмолвно появлялись фигуры в чумных масках. Чумные доктора, предвестники Черной смерти. Они обступили соломенное ложе полукольцом и жутко рассмеялись мне в лицо. Так они стояли некоторое время, затем по очереди сдергивали уродливые клювы, обнажая подернутые болезнью физиономии. Я вглядывался во мрак, желая рассмотреть их, пока все лица, которые я видел перед собой, не слились в одно, замершее в гримасе подбострастного самодовольства. «У меня много лиц, – сказал кто-то из них, – и это делает меня человеком».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.